

СЛОМАННЫЙ ОБРАЗ

Сборник рассказов

АЛЕКСАНДР ЭГАНЯН

16+

Александр Эганян
Сломанный образ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Эганян А. К.

Сломанный образ / А. К. Эганян — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04408-1

Все люди заложники образа, но рано или поздно появляется желание совершить побег и стать свободней. Каждый человек сам выбирает: оставаться в заточении образа в сырой и душной камере или же снять наручники и сбежать на волю.

ISBN 978-5-532-04408-1

© Эганян А. К., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
На границе войны	6
Бездомный	13
Инженю	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Предисловие

Изначально я не планировал писать предисловие, так как какое-то время считал, что оно является неким оправданием автора перед читателями. Но перед тем как отдать книгу на публикацию, у меня внезапно появилось чувство недосказанности, собственно, поэтому в следующем абзаце я постараюсь очень кратко пояснить связующую идею всех рассказов в этом сборнике.

Каждый день у нас в голове создаются определённые образы. Отнюдь не важно, какой образ: одного человека или целого мироустройства. Главная загвоздка заключается в том, что отдельный индивид может видеть ту реальность, которая нам не представляется. Но что делать, если эта реальность может обрушиться в самую глубокую впадину? И можно ли тогда отличить правильный образ от неправильного? Возможно, ответы на эти вопросы вы сможете найти на страницах этой книги.

Приятного чтения!

На границе войны

Кладбище – это единственное место, буквально насквозь пропитанное скорбью и сожалением. Но при этом это одно из немногих мест в этом мире, где человек остаётся наедине со своими мыслями. Я прихожу сюда каждый месяц на протяжении восьми лет ради одного человека. Моего отца, который погиб в автокатастрофе. Я восхищаюсь его насыщенной жизнью, его блистательными знаниями, но, к сожалению, я это не ценил при жизни. Возможно, каждый человек после смерти близкого ему человека жалеет о том, что что-то не успел ему сказать, что-то не успел у него спросить, да даже просто не успел понять его. Поэтому каждый раз, когда я сюда прихожу, начинаю заводить с ним диалог.

Я сел на плиту, снял свою тёмно-серую шляпу и достал из кармана пачку сигарет. На улице было настолько ветрено, что я не смог зажечь сигарету и решил не стараться прятать её от ветра, который пытается прорваться к сигарете со всех сторон и не дать мне закурить. Буквально в паре десятков метров от меня остановился пожилой мужчина. Он начал разглядывать меня, пытаясь увидеть во мне знакомого человека. Но мне это показалось. Дедушка наклонился к какой-то могиле, поднял засохшие георгины с плиты и возложил на неё вишнёвые гвоздики. Так он продолжал делать у следующих шести могил. Но мужчина заметил, как я рассматриваю его, и направился ко мне, опершись на железную трость.

– Отец? – спросил он без какого-либо стеснения, посмотрев на плиту папы.

– Да, – не сразу ответил я.

– Вы похожи, – произнёс он с улыбкой, взглянув на портрет, выгравированный на плите.

После этого возникла неловкая пауза, но я решаюсь прервать её.

– А у вас кто?

– О-о-о, да у меня тут целая семья. Ждёт меня, – тут же засмеялся он.

– Сколько вам лет тогда, если не секрет?

– Не секрет, месяц назад исполнилось 87 лет.

– Ого, так вы неплохо выглядите для своего возраста.

– Знаю, все мне так говорят. Но вы ведь не видите, в каком состоянии находится моё здоровье. Я потерял своих родителей, жену, сына, друзей. Я пережил две войны. Это всё сильно повлияло на меня, – дедушка неожиданно задумался в этот момент, а я в это время просто разглядывал его глубокие морщины, уставшие глаза и дрожащие руки.

– Ладно, – сказал я, – мне пора. Может, вам чем-нибудь помочь?

– Да нет, сынок. Не надо.

И я направился в сторону выхода, но, пройдя несколько шагов, остановился. На одной из могил, на которую мужчина возложил цветы, не было ни фотографии, ни фамилии, ни даже имени! Только год смерти. «1914». Я не знаю, как долго смотрел на это, но в какой-то момент голос из-за спины отвлёк меня.

– Догадываюсь, почему ты так засмотрелся, – произнёс старик, подойдя ко мне. – Мне самому жаль, что не узнал его имени при жизни.

– А кто это? – поинтересовался я.

– Ох, если б я сам знал, кто это. Знаю только то, что хороший парень был.

– Почему тогда вы его похоронили рядом со своей семьёй? – после этого вопроса у меня появилось такое ощущение, что он был лишним, так как пожилой мужчина поменялся в лице. – Извините, мне не следовало задавать такой вопрос. До свидания.

– Подождите, – произнёс он – всё нормально. Если честно, я и сам не знаю, почему это сделал. Расскажу тебе лучше историю, которая связала меня с ним...

Лето 1914 года в Будапеште было жарким и сухим, особенно для обувщика, который сидел в маленьком павильоне, с трудом пропускающем в себя свежий воздух. Мне было девятнадцать лет, когда был убит Франц Фердинанд, и ровно через месяц меня призвали на службу. Нашей дивизии поставили чёткую задачу – занять сербский фронт, несмотря на слабое техническое оснащение австро-венгерской армии и разрыв на два фронта: восточный (где приходилось бороться с Россией) и южный (с Сербией).

Два месяца мы упорно воевали с сербами, погибли многие мои сослуживцы, с которыми я общался как раз-таки больше всего, а мне всегда удавалось отделаться лёгкими ушибами и парочкой царапин. Эта война была похожа на перетягивание каната. Сперва мы проводили наступательные операции, которые в большинстве случаев проходили успешно. Потом сербы начинали контратаковать в южной Боснии, но для них это закончилось поражением. После того, как мы вытеснили их с территории Австро-Венгрии, тут же началась операция по завоеванию Белграда, в которой мы взяли в плен несколько сотен сербов.

Вы только себе представьте: девятнадцатилетний парень, взявший первый раз оружие в руки только месяц назад, ведёт около двадцати сербов на базу близ границы. Там были абсолютно разные люди – как мои ровесники, так и довольно-таки взрослые мужики. Я безумно боялся, что кто-то будет сопротивляться и нападёт на меня. Но я тут же остывал, когда наш алезредеш¹ лично проверял каждого сербского военного на наличие оружия. Лёринц Боднар в воинском поприще славился жесткостью, а порой жестокостью как к своим подчинённым, так и к противникам. В общем, его боялись все, но при этом с Боднаром мы чувствовали абсолютную уверенность и защиту.

Моя задача на ближайший месяц заключалась в наблюдении за пленными в старом доходном доме, который мы уже обустроили под военный лад. Признаться честно, мне повезло с сербами. На удивление, они вели себя абсолютно спокойно и уравновешенно. Все пленные сербы находились в разных сырых помещениях. Хотя трудно назвать комнаты два на два метра помещениями. Лёринц продумал все детали. Ни один серб не мог с кем-то начать диалог, так как стены были противошумными. И даже если стучать со всей силы по стенке, в соседней ничего не будет слышно. В силу того, что около половины населения сербов знали венгерский язык, мы разговаривали только на немецком.

Спустя пять дней нам привезли ещё несколько пленных. Один из них лежал на носилках с окровавленной головой и стонал с такой тяжестью и так громко, что становилось страшно, ведь я первый раз вижу такую картину. Рядом с ним шёл доктор Кайсер, пытаюсь успокоить серба. Заметив меня, он крикнул:

– Тамаааш, быстро сюда.

Я мгновенно прибежал, и Кайсер второпях начал трактовать:

– Бегом набери воду в тазики. Они лежат на чердаке. Я буду ждать в подвале.

Спустя десять минут я уже спускался в подвал с двумя тазиками. Подвал был ужасно холодным и наполненным тёмно-серым цветом. Я тут же отдал всё доктору.

Серб продолжал вопить от боли, а я специально не смотрел на него, так как Кайсер начал разбинтовывать его голову. Я и знать не хотел, что там.

– Выкинь их, – сказал док, отдав мне бинты багрового цвета. – А, нет, подожди. Я лучше сам.

– Да мне не сложно, давайте.

– Не в этом дело, – произнёс он, окуная чистые бинты в холодную воду, – Лёринц не должен узнать о нём.

– Почему же? – не понимая, спросил я.

¹ В переводе с венгерского оберст-лейтенант.

– Он его либо убьёт, – Кайсер сделал небольшую паузу, – либо убьёт. Я с ним работаю уже много времени. И примерно представляю, что у него происходит в голове.

– Но как вы его собираетесь скрыть? Лёринц уже завтра должен приехать с операции.

– Не должен, сербы устроили засаду в лесу. Нашим придётся обходить весь лес. Как минимум два дня у нас есть.

Я впервые устремил свой взгляд на серба. «О, Боже», – подумал я. Ему лет 14-15. Как он оказался в сербской армии?

– Молодо выглядит, – произнёс я, – с ним всё будет в порядке?

– Надеюсь, – ответил он с глубокой верой, – но что могу точно сказать – это то, что он оглох на оба уха.

Я промолчал. Он ещё толком не начал жить, но его жизнь уже кардинально изменилась. Причём далеко не в лучшую сторону.

– Могу ли я чем-то ещё помочь?

– Нет, спасибо. Теперь остаётся ждать решения Бога: жить ему или уже нет.

Кайсер был глубоко верующим человеком. В его врачебной палате висели куча икон и репродукций из газет, связанных с религиозной тематикой. Я был уверен в том, что протестанты очень редко молятся, но, узнав поближе Кайсера, изменил своё мнение. Помимо того, что он прилагал максимальные усилия к скорейшему выздоровлению серба, он еще и молился за него.

Спустя два дня серб наконец смог самостоятельно встать на ноги. Он не до конца понимал, что происходит. «Почему ко мне относятся с такой заботой», – думал подросток, по крайней мере, выражение его лица говорило об этом. Парень потерял слух, как и сказал вначале Кайсер. Но было странно, что он никак не паниковал и отнёсся к этому с пониманием. Наши диалоги с ним состояли из простейших жестов и кивков головы. Я делился с ним своей едой, чтобы он смог как можно быстрее поправиться.

У меня было огромное желание узнать, почему он отправился на практически верную гибель в таком раннем возрасте. Я пытался узнать это у других сербов в обмен на еду, но толком ничего не выяснил. Один говорил, что у него нет родителей, а практически всех сирот отправляли на войну. Другой говорил совсем обратное, что он вошёл в сербские войска по принуждению родителей. Третий же сказал о том, что он сын какого-то подполковника. И я понял, что ничего не выясню. Когда человек голоден, он готов пойти на любую ложь, лишь бы раздобыть пищу.

Прошли сутки, и парень более-менее пришёл в себя. Кайсер сказал, что его необходимо куда-то спрятать, и мне тут же пришла идея о чердаке, в котором хранятся боеприпасы.

– Ты что, сдурел? – крикнул на меня Кайсер, услышав мою мысль. – Думаешь, Лёринц не поднимется туда? Да он же практически не вылезает оттуда, постоянно натирает свои оружия и точит ножи.

– Успокойся. У нас нет другого решения. Там в углу есть оружейный сейф, и за ним куча места, чтобы спрятать серба.

– Ладно, – ответил он с некой настороженностью, – давай попробуем. Я пока сообщу тем, кто его увидел, чтобы не докладывали об этом Лёринцу.

– Хорошо, – ответил я и повёл юношу на чердак.

На чердаке было жутко темно, а в воздухе витал запах сгнивших деревянных досок и металлических затворов самозарядных пистолетов. Из кармана я достал фосфорную спичку и зажёл её. Отдав её в руки парню, я начал отодвигать этот тяжеленный шкаф. Затем я забрал спичку обратно и осветил за оружейный сейф.

– Места полно, можешь пролезать, – произнёс я, забыв о том, что он потерял слух. Но, на удивление, он меня понял и начал двигаться за шкаф. Как только он расположился, я задвинул эту «невидимую стену для Лёринца» обратно и спустился к Кайсеру.

– Всё, дело сделано, – произнёс я, – Лёринц его ни за что не заметит. Если он, конечно, не захочет изменить интерьер на чердаке и не начнёт двигать шкафы.

– Отлично. Я поговорил с ребятами, и они дали слово, что не скажут ему ничего, – сказал Кайсер, пытаясь вытереть простыни от крови.

– Ты не против, если я пойду посплю? А то голова раскалывается уже целый день.

– Нет, конечно. Иди. Мне тоже надо немного отдохнуть.

Я закрыл за собой дверь палаты и направился во двор. На улице царила полнейшая тишина, даже не скажешь, что в нескольких десятках миль от нас идут сражения. Чёрное небо было усыпано звёздами. Я на секунду примкнул к спокойствию мерцающих светил и осознал полную беззаботность неба, слившись с ним воедино.

Для меня идеальное утро – это открыть глаза на пляже перед только проснувшимся морем, услышав приветствующие крики чаек, или же увидеть перед собой завтрак в постель, заколдовывающий своим чудесным ароматом. Но проснулся я, к сожалению, не так.

– Давай вставай, Тамаш, – проорал надо мной Лёринц. – Ты пришёл, чтобы за страну воевать или спать у дома? Пора в лесу делать окопы, сербы могут обойти нас тыльной стороной, так что надо быть готовым ко всему. Собери людей и бегом выполнять моё поручение.

Быстро встав с земляной «кроватью», я ускоренным темпом направился к сослуживцам. Буквально через пять минут все были уже готовы выдвинуться в лес.

Деревья не спасали от свирепствующей жары, которая была неожиданностью для всех нас. Климат в Венгрии был умеренным и идеальным для любой жизнедеятельности, но этот день я запомнил навсегда. По ощущениям, перевалило за сорок градусов. Разумеется, мы все сняли свои мундиры, некоторые даже и брюки, но мне было абсолютно всё равно, так как прекрасно понимал тяжелую ситуацию. Благо, что почва была плодородной, и довольно-таки легко было копать. С небольшими перекурами свою работу мы закончили только тогда, когда оранжевый диск опустился ближе к горизонту и начал расплываться. Обратно мы уже шли настолько уставшими, что мои ровесники готовы были уснуть прямо в чаще, но, к счастью, удалось их вразумить, и в скором времени мы оказались в казарме. Я помылся, привычно уложившись в две минуты, под ледяной водой из бочки – о горячем душе здесь можно было разве что мечтать.

– Просыпайся, просыпайся, – прошептал мне на ухо Кайсер, и я с трудом приподнял свои веки, – нужно поговорить.

– Я весь внимание, – промямлил я.

– Нет, не тут. Одевайся, я тебя буду ждать на улице.

Немного полежав в постели, я смог преодолеть себя и, накинув мундир, висевший рядом на стуле, вышел на улицу.

Прямо на траве сидел Кайсер, смотря томным взглядом на звёзды. Он не сразу начал диалог, когда я подсел к нему. Возможно, подбирал какую-либо правильную фразу.

– В общем, – на глубоком вздохе Кайсер открыл диалог, – сегодня днём, когда вы ушли в лес, в мою палату зашёл Лёринц. В этот момент меня там не было, но, когда пришёл, увидел Лёринца, копавшегося в моих шкафчиках. Он сказал, что искал морфий, чтобы сделать укол в бедро. До этого я ему практический каждый день колот в ногу, так как ещё перед войной какой-то солдат при стрельбе в мишень каким-то образом умудрился случайно выстрелить в Лёринца чуть выше колена, – я слегка ухмыльнулся, но при этом продолжал слушать Кайсера. – Но не об этом сейчас. Я сделал ему этот укол, а после он полез в шкафчик стола и достал

зеленовато-коричневый мундир, практически весь запачканный кровью. Боднар спросил: «Что эта сербская дрянь делает у тебя?», а я смог как-то изловчиться и сказать, что мне это нужно для перемотки ран, так как медикаментов и даже бинтов всё равно не хватает. Хорошо, что боль в ноге у него ещё не притихла, и он, прихрамывая на одну ногу, пошёл к себе.

– Как вы могли оставить его форму у себя? Вы же должны были выкинуть всё, – сказал я Кайсеру. – Надеюсь, наутро он уже забудет об этом.

– Я тоже, – выжидательно ответил Кайсер. – Знаешь, что я больше всего ненавижу на этой планете.

– Эммм, – промычал я, так как чувство сонливости меня ещё не покинуло, – не знаю.

– Войны, – ответил с холодной интонацией Кайсер, не отрывая взгляд от небосвода. – Люди начинают безумствовать, они тут же меняют свой облик, забывают обо всех принципах, о гуманности. Я начал работать врачом во время войны против французов и видел глаза этих безумцев, обожавших идеи Бисмарка и готовых сделать всё ради победы. Да, мы выиграли войну, но мы потеряли сотни тысяч судеб. И я ещё не говорю о смертях, а говорю о почерневших душах. Эти люди инволюционируют во всё. Человек, однажды убив другого человека, остаётся с пятном в нутре, которое будет увеличиваться с каждым следующим убийством. Палец, зажатый на курке, не означает превосходство, а означает бессилие в мышлении. Ладно, нам уже пора, а то ещё Лёринц захочет выйти на прогулку, – последнюю фразу он произнёс с улыбкой.

– Я попозже пойду, ещё посижу немного, – ответил я, и Кайсер отправился внутрь.

Утро, как обычно, начинается с крика. И это был не крик петуха и не крик пролетающих птиц в только что проснувшемся небе. Это был крик Лёринца.

– Подъём, вставайте. Вы должны вставать раньше, чем я.

Те, кто приподнимался нехотя, тут же отхватывали от Лёринца. Важно отметить, его удар был настолько сильным, что отметины до вечера пламенели на коже.

Выйдя на построение, Лёринц встал прямо передо мной и заговорил.

– Парни, сегодня ночью будет важное задание для всех нас. Значит, так, первая группа, – он перечислил ровно десять человек и меня в том числе, – отправится со мной на юго-восток, вглубь леса. Вторая группа, – ровно так же назвал десять фамилий, – будет сидеть в окопах. Третья и четвёртая группы пойдут по флангам. Остальные, кого я не назвал, останутся тут, с пленными. Парни, сегодня абсолютно все возьмите себя в руки и подготовьтесь к завтрашнему дню. На кону наши жизни.

Все внимательно слушали речь Лёринца, и было видно по их глазам, что они воодушевились. Они так долго ждали этого момента, когда им дадут задание. Но, к сожалению, они не понимали, что это далеко не забава. И их глаза перестанут гореть таким пламенем. Их взгляды потушит ураганный ветер отчаяния и скорби.

После того, как Лёринц закончил, мы все отправились на завтрак. На удивление, наш повар не пожадничал и вместо одного маленького куска хлеба, на столе у каждой тарелки с кашей было по два таких кусочка. Возможно, это последний завтрак у кого-то, а может, и у всех. Сослуживцы приступили к еде, но я отстранился от них и съел только один кусок хлеба.

– Ты чего, не будешь? Давай мне, – произнёс Йорген с полным ртом каши.

– Я попозже съем, пока не голоден, – ответил я, и Йорген посмотрел на меня довольно-таки странным взором, но всё же повторно накинулся на свою тарелку с овсянкой.

Когда все поели и разошлись, я взял кашу с хлебом и, незаметно проскользнув мимо сослуживцев, поднялся на чердак. Плотно закрыв за собой дверь, я направился к сербу. Пусто. Подойдя к шкафу, начал его отодвигать и увидел его. Он сидел полулёжа и спал, при том, что места для его роста было достаточно, чтобы выпрямить ноги. Я легонько постучал по плечу, и он ошеломлённо вздёргнулся. Секунд двадцать мы ещё смотрели друг на друга, словно играли в

игру «Кто первый моргнёт». В итоге я решил не мучить его и отдал кашу с куском пшеничного хлеба. Тот ещё раз взглянул на меня и кивнул, я так понял, что он хотел сказать спасибо, и принялся за пищу. Его маленькие глаза с осторожностью бегали по чердаку, выражая лёгкую растерянность.

Когда он доскрёб свой завтрак, я быстренько взял из рук тарелку и спрятал под его ногами, отодвинул обратно шкаф и пошёл к двери. На всякий случай я оглянулся, чтобы убедиться в том, что мальчика не видно. Как только я закрыл за собой дверь в чердак, снизу донёсся голос.

– Эй, Тамаш. Ты чего там делаешь? – спросил Лёринц.

– Да я так... Проверить готовность оружия, – неуверенно произнёс я.

– Да? Ну и как? Всё готово?

– Эмм... Да.

– Отлично. Молодец, что сам додумался до этого, и мне не пришлось об этом говорить. Теперь походи на улицу, помоги ребятам кое в чём.

Я быстро сбежал со ступенек вниз и вышел во двор. Возле нашего доходного дома стояли Хельмут, Александр и обжора Йорген. Самый адекватный из них был Александр. В первые дни он подсказывал мне, как правильно маршировать, как приводить в порядок брюки без утюга, как быстро собираться, и много других навыков, за что я ему был благодарен.

– Чем помочь, парни? – спросил я, подойдя к ним ближе.

– Если хочешь, можешь мои сапоги почистить, – ответил Хельмут, и все втроём заржали, а я сделал вид, будто не услышал.

– Лёринц меня отпра... – не успел я закончить слово, как из дома мы услышали гулкий выстрел и побежали на звук. Все уже собрались в одном месте и удивлённо смотрели в пространство открытой двери на чердаке. Оттуда вышел Лёринц, держа в левой руке Штайр Манлихер (самозарядный пистолет австро-венгерской армии). Он остановился на середине лестницы и опустил на нас свой холодный и страшный взгляд. Я растолкал сослуживцев и рванул в его сторону.

– Ты думаешь, что я совсем полоумный? Запомни, никто и никогда ещё не смог меня обмануть, – сказал Лёринц, остановив меня, но я всё равно оттолкнул его и смог добежать до чердака. – Тело выкиньте куда-нибудь в лес, – крикнул вниз Лёринц.

С колотящимся сердцем я зашёл на чердак. Шкаф был немного отодвинут, и я его полностью развернул ближе к левой стене. Кровь лилась из его груди и образовывала небольшую лужу. Глаза его были закрыты. Пульс отсутствовал, но я ещё пытался вернуть его к жизни. Всё тщетно. Я схватился за голову и начал просто орать во весь голос. Под звон тишины я всё смотрел и смотрел на окровавленного мальчишку, от которого меня оттаскивали, а потом вырвался из рук и побежал вниз, ничего не видя под ногами. Лёринца не заметно, скорее всего, он в своём кабинете, и я устремился напрямик туда. Без стука и разрешения я открыл дверь и начал кричать на сидящего в кресле Лёринца.

– Что вы натворили? Вы хоть знаете, сколько ему лет?

– Мне плевать, Тамаш, как и теперь на тебя. Иди готовься к завтрашнему дню, – хладнокровно произнёс он и громко позвал Хельмута. Тот, будто ждал у двери, буквально через пару секунд оказался в кабинете.

– Отведи его подышать на свежий воздух. А то он, видимо, скоро в сербскую армию вступит, – расплывшись в кресле, произнёс Лёринц.

– Принято, – ответил Хельмут и, взяв меня крепко за руки, вывел за дверь.

Оказавшись на улице, он меня отпустил и начал говорить:

– Послушай, ты не должен перечить Лёринцу. Я хоть и сам сейчас пребываю в шоке, но он наш командующий. Пойми ты это.

– Нет, это ты не понимаешь меня. Став оберст-лейтенантом, он решил снять с себя полномочия человека? – косвенно обратился я к Хельмуту и зашёл обратно в дом.

Парни накрыли серба какой-то тканью и потащили вниз. Когда я к ним подошёл, они с некой горечью в глазах смотрели на меня.

– Ребят, отдохните. Я сам отнесу его, – пробормотал я, не отрывая взгляд от лица серба.

– Давай я тебе помогу, – предложил Александр, и я молча кивнул в ответ.

Взяв лопату из подвала, мы понесли тело в сторону леса.

Дедушка закончил свой рассказ, который я слушал около часа. И вот он просто засмотрелся в пустоту, видимо, вспоминая те дни. В его глазах читалось некоторое смятение, но я всё же решил спросить.

– А как вы смогли захоронить его на этом кладбище?

Он ещё смотрел в никуда и только через несколько секунд смог ответить.

– Вместе с Александром мы выкопали довольно-таки глубокую яму у одного дерева, на которое мы прикрепили кусок ткани, чтобы после войны перезахоронить тело. Положив мальчишку в землю, я решил для себя, что нужно уходить. И поздно ночью, собрав все свои вещи, я ушёл, оставив записку у двери. Я никому не говорил о своём плане, и никто, наверное, и не подозревал о моём уходе. Даже Кайсеру, который стал мне как отец.

– Что за записка? – прервав речь мужчины, спросил я.

– Для Лёринца. Надеюсь, что он прочитал. В ней я написал: «Дорогой лейтенант, я ушёл. Можете не искать меня, так как я решил для себя помогать людям, а не убивать их. Если вы думаете, что я вас предал, то вы ошибаетесь, скорее всего, это вы предали свой рассудок окончательно, когда убили беззащитного серба. Всего хорошего».

Я никак не прокомментировал это, и ещё долго мы вместе смотрели на эту плиту без имени.

Бездомный

Один известный политический публицист попал однажды в презабавную переделку. Каждые две-три недели он едет в разные города этой страны для того, чтобы поддерживать свою рубрику «Политический обозреватель» на одном популярном новостном портале. В каждом городе он пытается понять: как устроено местное самоуправление, насколько коррумпированы чиновники, произошли ли какие-то изменения с того момента, когда он был в городе в последний раз.

Он приезжает в Брайбск на поезде поздно вечером, уставший, садится в такси и направляется в забронированный номер отеля. Быстро искупавшись, Альберт сразу же ложится в постель и засыпает.

Спал Альберт очень долго, поэтому с неохотой встал, раздвинув шторы. Он даже не взглянул на вид из окна, который обычно первым делом обозревают путешественники. Но он настолько устал в тот день от ничем не впечатляющих и неинтересных видов из окна поезда, что видеть уже ничего не хотелось, хотя при заселении с шестнадцатого этажа обещали прекрасный вид. А сейчас он в приподнятом настроении и готов увидеть всё под безоблачным лазоревым одеялом неба. Уж сколько он объехал городов, а всё равно каждый раз было по-детски интересно, что движет городом. Прямо у отеля разлеглась четырёхполосная дорога, доставляющая машины в нужное место. Где-то вдалеке прячется такое же высотное стеклянное здание, как и отель. Остальной же город усыпан кирпичными и панельными домами. Редко виднеются монолитные дома. Далеко не самая зелёная местность расстилается вокруг этих домов, лишь на горизонте за чертой города выглядывает маленькая, но густая роща, которой не под силу дать отпор этим бетонным многочисленным постройкам.

Альберт мог бы ещё долго разглядывать типичный город этой страны, но его организм сообщил о том, что пора идти на завтрак. После съеденной глазуньи и парочки блинов он отправился в номер готовиться к встрече с мэром города, которая была назначена ровно на два часа дня. Хоть Альберт и работает уже около пятнадцати лет в этой сфере, у него всё же появляется лёгкий мандраж перед интервью. Именно перед интервью, а не перед собеседником. Это очень важно. Альберт – один из немногих, а возможно, и совсем один, кто не боится говорить об опасных для властей темах. Многие считают, что он идёт на такие подвиги, потому что у него нет жены и детей. Но это совсем не так, поскольку Альберт не может создать свою семью из-за постоянных нагрузок. Он и спит по пять-шесть часов в день, а всё остальное время он проводит за работой, уткнувшись надменным лицом в экран ноутбука.

Из своего портфеля он достаёт кучу разных бумаг, ручку и планшет. Осыпавшуюся на стол горстку листов он перебирает и находит среди них один. Внимательно читает и повторяет вопросы, которые, по его мнению, будут остры и важны для беседы с высокопоставленным чиновником.

Тщательно пережевав вопросы и переварив будущую речь, Альберт вышел из отеля и поехал на такси к городской мэрии. По дороге журналист решил заодно расспросить и таксиста:

– А вы давно тут живёте?

– Давно, – хладнокровно ответил таксист, видимо, не желая продолжать диалог.

– А с какого года?

Таксист молчал. Наверное, почувствовал какую-то неловкость в общении, но всё же смог чётко ответить:

– С 2005 года.

– Ого, – Альберт посчитал в голове и продолжил, – получается, вы застали тут четырёх мэров.

– Да, – спокойным тоном ответил водитель, внимательно смотря то в правое, то в левое зеркало.

– И какой для вас оказался лучшим? – не отступая, поинтересовался Альберт.

Водитель несколько раз суровым взглядом посмотрел в зеркало заднего вида и задал встречный вопрос:

– Для чего ты все эти вопросы задаёшь?

Альберт немного удивился неожиданной смене «вы» на «ты».

– Я журналист. Сегодня буду брать интервью у вашего мэра. Поэтому интересно стало, изменилось ли что-нибудь в городе за эти года или нет.

Водитель промолчал и спустя пару минут остановился, сказав на прощание:

– Приехали.

– Спасибо большое, – ответил Альберт и расплатился, оставив немного чаевых.

Подвёз таксист именно к входу в мэрию. Пятиэтажное здание было построено в стиле модерн. Свинцовые гранитные фасады подчёркивали элегантность, изящность и эстетичность этого сооружения. Над главной полуциркулярной аркой расположились большие окна, облицованные красным гранитом. Пилястры, якобы инсценирующие колонны, добавляли аристократичность всему зданию мэрии. Альберт застыл на какое-то мгновение, всматриваясь в каждую архитектурную деталь, но что-то его заставило опустить голову вниз и оглянуться вокруг. И это что-то оказалось неприятным запахом. Метрах в десяти от входа, опершись о стену, сидел бездомный. На нём была испачканная кожаная куртка, тёмно-зелёные штаны с дырками на коленях и голени, белые кроссовки, которые уже стали серыми. Возле его ног лежала шапка, ждущая прилива монет, а если повезёт – и купюр.

Но Альберт решил не задерживаться, так как на часах уже было 13:49. На входе его встретили два громадных охранника и принялись охлопывать его и искать в портфеле запрещённые предметы. К счастью, ничего такого у Альберта не оказалось, и по указаниям дежурного он направился на второй этаж в кабинет мэра. Чтобы показаться вежливым, Альберт решает всё-таки подождать эти пять минут до назначенного времени и только потом постучаться в дверь и войти.

Кабинет был не просто большой, а огромный. Посередине находился длинный оранжево-коричневый стол для переговоров, а вокруг него располагались кожаные кресла. Витражные шторы пропускали через себя лучи, освещая всё пространство вокруг мужчины, сидевшего за дальним краем стола. Мэр встал и пошёл навстречу журналисту. Чиновник довольно-таки упитанный, его лоб морщинистый, при том, что ему только сорок шесть лет, волосы каштановые с проседью. Но самое главное для Альберта – это глаза. Он всегда заглядывает именно туда, чтобы вырыть окоп в сознании собеседника. В этот раз он увидел некоторую недоверчивость.

– Добрый день, – начал мэр, протянув руку. – Как добрались до нас?

– Здравствуйте. Долго ехал на поезде, но всё хорошо.

– Отлично, – произнёс он, двигаясь к своему креслу. – Чай, кофе? Что-нибудь желаете?

– Я бы не отказался от минералки. Спасибо, – сказал Альберт, и мэр тут же позвал свою помощницу, которая оказалась в дверях через несколько секунд.

– Мария, принесите нам, пожалуйста, кофе и минеральную воду. А вы, присаживайтесь, – обратился к журналисту чиновник и указал на кресло.

– Да, хорошо, – медленно проговорила девушка небольшого роста в ярко-синем платье и ушла.

– Ну что, начнём наше интервью? – спросил журналист с ненавязчивой интонацией, расположившись в кресле.

– Давайте, – сразу же отреагировал мэр.

Альберт достал из портфеля свой планшет, папку с бумагами и два диктофона, так как боялся, что один может внезапно выключиться или перестать записывать звук. Он был настоящим профессионалом в журналистском деле и поэтому подходил со всей ответственностью к таким важным беседам.

Проверив, работает ли всё, Альберт начал:

– Уже прошло практически три года с момента вашего назначения на эту должность. Расскажите, пожалуйста, каким город был до вас и каким он стал во время вашего руководства?

Немного подумав, мэр ответил:

– Скажу честно, я отношусь с огромным уважением к предшествовавшему мэру. Я успел поработать с ним два года и за это время удивлялся той работе, которую он выполнял. Возможно, не самый лучший город на планете, но и не самый худший, как говорится, – сказав это, мэр ухмыльнулся, а журналист так и не нашёл в этом высказывании причину для улыбки. – Что касается моего руководства, – продолжил, – то надо подводить итоги в конце моего срока, а впереди ещё целых два года кропотливой работы.

– Спасибо за ответ, – ответил журналист, глядя в свои бумаги. – Я хочу вас подвести к тому, что от девяноста до девяноста пяти процентов должностных лиц предыдущего правительства остались на своих местах. Разве это нормально, когда коррупция в вашем городе выросла настолько, что в сознании обычных граждан закрепился факт того, что это никак нельзя изменить, таково наше мировосприятие, – всё это журналист говорил, не отрывая взгляда от своего собеседника, и было видно по его нервозности в глазах раздражение. – Ведь вы сами должны понимать, что всё исходит от правительства. Где же меритократия? Вам не кажется, что центральные посты сейчас занимают далеко не самые честные и способные люди?

Это суждение не поставило в тупик мэра, по крайней мере, так казалось со стороны. Он начал улыбаться во время речи журналиста. Но журналист всё прекрасно осознаёт. Альберт понимает все психологические трюки чиновников. Этими улыбками они хотят показать свою правоту и привлечь на свою сторону людей. Журналист знал, когда человек улыбается по-настоящему, а когда улыбка передаёт нехорошее настроение и фальшь.

В этот момент заходит помощница с подносом. Аккуратно поставив кофе и стакан с водой на стол, даёт время подумать мэру и скрывается за дверью. Альберт давно заметил, что все эти помощницы заходят в самые необходимые для чиновников моменты. Они как будто стоят у дверей и ждут, когда их начальник попадёт в тупик из-за острого вопроса.

Сделав глоток кофе из стеклянной чашки, мэр приступил к ответу.

– Вы знаете, – на выдохе заговорил мэр, – эта проблема уже опускается на дно, но всё же ещё находится в воде, – видно было, что фраза была заранее подготовлена и заучена. – Вопрос для меня серьёзный. И я стараюсь всеми возможными методами, разумеется, в рамках закона, предотвратить очаг коррупции. Сейчас в нашем правительстве находятся добросовестные люди. И я уверен в их честности. Проблема коррупции больше актуальна для районных администраций.

– Послушайте, – без какого-либо стеснения прервал журналист, – разве эти администрации не должны подчиняться вашему правительству? Честно говорю, как опытный журналист, звучит это очень странно. И я не уверен в верности слов о том, что в правительстве города все белые и пушистые. Давайте всё-таки объективно будем оценивать.

– Друг мой, – произнёс чиновник, немного замешкавшись, – возможно, я не знаю чего-то, что знаете вы, – тут он засмеялся и продолжил серьёзным тоном. – Это ведь я работаю с данным коллективом. И какой резон мне брать на работу таких людей, которых вы сейчас упоминали?

Альберт понял, что не добьётся истины, и решил затронуть ещё одну тему.

– Правда, что главный пост по вопросам строительства в правительстве занимает ваш старший сын?

– Да, – ответил мэр.

– Тогда у меня вопрос. Как ваш сын занял этот пост, если у него только один диплом, и диплом этот по исторической специальности? Это, опять же, к вопросу о меритократии.

– Послушайте, а вы знаете актёра Кристофера Ли?

Журналист кивнул.

– Так вот, у него нет театрального образования, – Альберт не смог сдержать лёгкий смех, но не стал перебивать собеседника. – Он работал в службе разведки. И скажите, ему это помешало стать великим актёром? Нет.

«Да уж, – подумал про себя Альберт, – так ловко никто ещё не съезжал с темы». После этого он заметил, как мэр опустил руку под стол и начал на что-то нажимать. За дверью послышался стук.

– Да-да, – сразу же произнёс мэр, – войдите.

Зашла его помощница.

– Извините, что отвлекаю, но у нас небольшое ЧП. Не могли бы вы послушать? – спросила девушка и увела его из кабинета.

Журналист усмехнулся – да они это отрепетировали! У журналиста уже были такие случаи, когда один чиновник после неудобных вопросов решил закончить интервью, сказав, что у него начинается какая-то важная конференция.

В кабинет вернулся мэр.

– Вот это да, – говорит он, – у нас горит жилой дом на окраине. И мне срочно нужно ехать туда. У них какие-то проблемы с водоснабжением. Вы не против, если мы завтра проведём интервью? – спросил мэр.

– Я, к сожалению, сегодня ночью уезжаю, – произнёс Альберт.

– О, это, безусловно, моя вина, – сказал мэр, приготовив огорчённый взгляд. – Давайте поступим так: мы проведём с вами онлайн-беседу, в которой и продолжим наш диалог. Я вам оставлю номер приёмной, – мэр протянул визитку. – Позвоните в любой день, когда вам будет удобно. Кроме воскресенья, – добавил он.

– Хорошо, давайте сделаем так.

Через пару минут журналист уже оказался на шумной улице. Настроение было подавленное. «Почему они себя так ведут? – размышлял про чиновников Альберт. – Разве я заслуживаю такого неуважения?» Его мысли развеялись, когда он увидел того же самого бездомного. Положив тому в шапку несколько купюр и получив в ответ благодарственный кивок, журналист решил просто прогуляться по улице. Но журналистское любопытство и, возможно, недоумение остановило его. Как охрана мэрии не прогнала бездомного до сих пор? У Альберта появляется желание поговорить с ним.

– Здравствуйте, – подойдя к бездомному, сказал Альберт. Тот посмотрел на него и молча кивнул. – Я могу чем-нибудь помочь вам?

– Спасибо, друг, – произнёс охрипшим голосом мужчина. – Вы мне и так помогли. У меня хорошая память, и я помню, что вы разглядывали меня минут тридцать назад, а сейчас бросили деньги. Благодарю вас.

– Да не за что. Можно у вас поинтересоваться? – спросил журналист.

– Конечно. Что вас интересует?

Если бы не внешний вид, Альберт бы подумал, что это обычный, цивилизованный человек. Видно было, что речь поставлена.

– Давно ли вы тут сидите?

– Каждый день, – отвечает он.

– А как вас отсюда не прогнали? Это ж всё-таки главное здание города, и вряд ли местным чиновникам нравится видеть вас на пороге.

– Не знаю. Я сам порой задаюсь этим вопросом, – сказал бездомный. – Но, если честно, мне плевать на этих чиновников, – произнёс он это шёпотом. – Толку-то от них, если ничего не меняется.

– Послушайте, давайте я вам всё-таки чем-нибудь помогу. Может, какие-нибудь лекарства вам купить?

– Нет, не надо, – ответил он. – Хотя, если можете, купите, пожалуйста, лекарство от высокомерия. Всем этим людям, – говорит он, смотря на проходящих. – Мне всё равно отсюда не выбраться, и я ничего уже не могу изменить.

– Ладно, я вас понял, – произнёс с огорчением Альберт и достал из кармана деньги, положив в шапку. – Всего хорошего вам.

– Спасибо, дружище, – искренне ответил бездомный.

После того, как журналист приехал в свой родной город, прошло две недели. Каждый день он пытался дозвониться до того мэра, но всё оказалось бесполезно. Хотя что он ещё мог ожидать? Это ведь очевидно. Альберт абсолютно все городские порталы и новости перечитал. В тот день не было никакого пожара. Да и зачем мэру ехать туда? В роли пожарного? Полный бред и безумие.

Но, несмотря на незаконченное интервью, Альберт всё-таки решился опубликовать маленькую статью.

«19 мая я побывал в провинциальном городе Брайбске. Начну с хорошего. Город достаточно привлекателен своими домами, рынками, заводами и ресторанами. К сожалению, это всё. На следующий день после приезда в Брайбск у меня состоялось интервью, продолжительность которого составила пять минут. Почему так мало? Это надо спросить у «замечательного» мэра этого города.

Простите, дорогие читатели, но мне надо к нему обратиться. Я уверен, что вы это сейчас читаете и знаете о моих каждодневных звонках. Когда я набирал со своего мобильного в приёмную, никто не удосужился даже взять трубку. Довольно-таки непонятная ситуация. «Ладно, – подумал я, – начну звонить с другого номера». И надо же, приёмная выкроила время, ответив на звонок. «Какое же счастье», – предположил я. Едва они услышали мой голос, звонок тут же оборвался.

Это отвратительный поступок. Я не вор, не жулик, не мошенник, как многие члены вашего правительства. Неужели я, законный гражданин, должен терпеть это?

Возможно, моё сравнение будет некорректно, но всё же хочу поделиться им. Возле этой восхитительной, богатой на вид мэрии сидел бездомный. Я завёл с ним разговор, и в ходе него мне в голову ввельась одна его фраза: «Мне всё равно отсюда не выбраться, и я ничего уже не могу изменить». На самом деле, это очень печально, ведь ровно так же считают и жители этого города, которые не хотят отстаивать свои гражданские и политические права. Они прекрасно понимают, что происходит в правительственных стенах, но молчат, как тонущие в море».

Не прошло и часа, как абсолютно по всем новостям Брайбска разлетелась эта статья, и люди начали негодовать и злиться. А в течение дня во многих городах этой страны массы граждан начали высказывать претензии местным администрациям и чиновникам. Буквально за сутки из-за одной статьи, которая послужила своего рода трамплином к осознанию всего происходящего, люди захотели провести мирные протесты.

А через пару дней граждане Брайбска заняли всю площадь перед мэрией. Многие люди держали в руках огромные плакаты с надписями «Мы и есть бездомные», «Чтобы мы не утонули, правительство должно уйти!», «Долой воров и жуликов!».

Инженю

Несколько дней назад у Лилии случилась огромная трагедия. У неё умерла мама, которая отчаянно боролась со своей болезнью, но не смогла преодолеть её. Она вела здоровый образ жизни и наслаждалась каждым мигмом до того момента, когда у папы Лилии остановилось сердце. Врачи сказали, что долговременная депрессия мамы связана с потерей любимого мужа и поэтому это так сильно повлияло на её здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.